

Голубой дом на горе

С детства любила, гуляя по вечерним улицам, заглядывать в окна. Жили мы тогда в большом городе, где многоэтажные дома буквально лепились друг к другу вдоль улиц, и этих разноцветных светящихся прямоугольников было, что называется, не счесть.

Меня, собственно, и не интересовало, что там, внутри, происходит, это можно было попросту придумать. Главное — каким было окно. Вот ласковое розовое окошко — оно казалось мне даже тёплым, а жизнь за ним — доброй, счастливой. А это — мертвенно-белое, резкое, словно в больничной операционной. В этом окне свет бледно-жёлтый, виднеется даже голая лампочка под потолком, не прикрытая ни плафоном, ни абажуром. Чья несчастливая судьба притаилась там, за этим стеклом?..

В Переславле эту незатейливую игру я продолжила несколько по-иному, «по домам». Вот основательный, из толстых, хотя и почерневших брёвен. А этот бедолага весь покосился, осел на один бок. Здесь недавно шла солидная перестройка — свежей желтизной сияют новенькая терраса и мансарда. А неподалёку и вовсе шикарный коттедж вырос на месте ещё совсем недавно прозябавшей тут подслеповатой хибарки. Ну разве не красноречивы они, эти якобы неодушевлённые дома?

...Этот голубой дом на одной из самых высоких переславских точек (по-местному — на горе) я заприметила давно. Он явно выделялся среди своих деревянных собратьев — то ли нестандартным нежным цветом, то ли основательной статурой и аккуратностью, а скорее всего — морем цветов, расцветающих под его окнами по весне, и особенно — нежных, прекрасных, но таких нечастых в здешних палисадниках пионов.

Прошли месяцы, а потом — и годы. Неисповедимые журналистские пути привели меня сюда, в этот голубой дом на горе, и я наконец-то познакомилась с его удивительными хозяевами — Антониной Николаевной и Абрамом Иосифовичем Лифшицами.

Полстолетия назад — в 1945 году приехали они в Переславль. Совсем ещё молодые, но за плечами у обоих был уже немалый жизненный опыт. Оба окончили Ленинградский мединститут, на четвёртом курсе поженились. Да развела их война. Антонина осталась в Ленинграде и пробыла там почти до самого прорыва блокады, буквально за несколько дней до этого выбралась из осаждённого города, сопровождая раненых бойцов. Две недели — сначала пешком, потом по железной дороге — добирались они до Ярославля, где (она уже знала об этом) в госпитале лежал с тяжёлым ранением её муж.

Абраму Иосифовичу война досталась во всей своей неприглядной полноте: с сентября 1941-го до самого того злосчастного дня, когда потерял он, военный врач, ногу.

— Если вычтёшь недели и месяцы, что пришлось пролежать на госпитальных койках после очередного ранения, то получится года три с половиной военного «стажа», — прикидывает он. И я, рождённая в 1948-м, видевшая ту страшную войну лишь на экране, не могла не подумать, сколько же горя, крови, страданий повидал этот милый, очень сдержанный в словах, интеллигентный человек. Сколько повидал и сколько испытал сам.

Переславль — тот, пятидесятилетней давности, каким они его увидели, прибыв сюда по назначению, лишь отдалённо напоминал сегодняшний город. Ни привычных нам микрорайонов, ни Чкаловского посёлка, на месте которого расстилалось в те годы первозданное болото, с лягушками, комарами и прочими «прелестями». Но самое печальное — вместо больницы, в которой предстояло работать, лечить людей, взору молодых врачей предстал

самый. что ни на есть настоящий «зарбарак». Ох и возненавидели же они это слово! Выстроенная достаточно добротно ещё в прошлом веке, больница катастрофически одряхла за годы военного лихолетья. Ни электричества, ни воды. Освещение — масляные лампы, колодец — и тот в негодность пришёл. А крысы, крысы... Норовили чуть не под одеяла к больным забраться.

Домишко, в котором их поселили, располагался на территории больницы и являл собой четыре щелястые стены да печь. Вот только чем топить её — дров тоже не хватало. Всё, абсолютно всё надо было начинать с нуля. И даже менять врачебную специальность. Ведь направили сюда А. И. Лифшица хирургом, а до хирургического отделения, располагавшегося в центре города, ему было на протезе не добраться. О каком-либо транспорте нечего было и мечтать. И он, трезво оценив обстановку, решил переучиваться на инфекциониста. Благо книги под рукой были, много книг: и справочники, и учебники. И всё, что касалось инфекционных болезней, он проштудировал вдоль и поперёк.

А жизнь не скупилась на «практический материал». Скарлатина, корь, туберкулёз, пневмония, тиф, даже сибирская язва. А дифтерит... Не единожды приходилось прибегать к трахеотомии — единственному по тем временам способу спасти задыхающегося от «крупа» человека.

— И до чего ж тяжело болели тогда люди, — вздыхает Абрам Иосифович. — Оно и понятно — ослабленные, измученные. А помочь им чем? Ни антибиотиков, ни сульфаниламидов. Один только стрептоцид. Да и с продуктами непросто было на первых порах. Это потом уже, развернув подсобное хозяйство, наладив контакты с руководителями предприятий и хозяйств, мы сумели решить проблему. А поначалу... Спрос же за всё и про всё был с врачей.

Больница постепенно «становилась на ноги». Перво-наперво появился, благодаря раздобытой «динамке», в палатах электрический свет. Вычистили колодец, навели всюду порядок.

Нет, не экстраординарные случаи, на которые так щедро медицинская практика, вспоминал Абрам Иосифович, когда я попросила его рассказать о самом важном, что оставило самый яркий след в памяти. Он вспоминал людей. Разных — руководителей, хозяйственников — всех, кто помогал, откликался на просьбы, бывало, что и в ущерб собственным интересам.

Это и М. А. Серогодский, бывший в те годы председателем горисполкома, и М. П. Мясникова, и директора фабрики №5 Кузьменков, «Нового мира» — Корнилов, «Красного эха» — Акатов. Без них ничего бы у нас не вышло. Равно как и без таких людей, как медсестра А. М. Куркина, завхоз А. Я. Борисов и многие-многие другие.

Прошло пятьдесят лет — но память сохранила эти имена. И та же несговорчивая память никак не хочет смириться с тем, что снова с таким трудом восстановленная больница превращается в «зарбарак», что обещанное много лет назад новоселье так и осталось для старой больницы неосуществлённой мечтой.

Тяжко говорить и думать об этом старому врачу. Но он не из тех, кто легко впадает в уныние. Слишком много довелось испытать в жизни, чтобы в одночасье сдаться на милость невзгодам. Может, потому он так скуп на слова, этот человек с мудрыми, печальными глазами.

Короток зимний день. Я не заметила, как склонился он к закату, окрасившему вдруг комнату, где мы расположились, в густые розовые тона. Прощаемся. Я с неохотой уйду из этого уютного, наполненного живым человеческим теплом дома.

По заснеженному двору протянулись загустевшие на вечернем морозе тени, а окна светятся добрым, приветливым светом. Я знаю: на этот добрый свет любят заходить люди. И трое взрослых детей — две дочери и сын, живущие здесь же, в Переславле, и внуки, и правнуки, и бывшие сослуживцы, и верные друзья, которых у Лифшицев так много.

Спускаясь под горку, я ещё раз оглядываюсь, люблюсь и мысленно желаю: «Счастья тебе, голубой дом, тебе и замечательным людям, живущим под твоей крышей!»